

Три брата.

Китайская сказка (*).

Есть и добро и зло,
За ними идущъ чувствительное благополучіе или несчастіе;
Вотъ что отвращаетъ отъ порока,
Вотъ что оживляетъ добродѣль!

Бѣдная званіемъ семья жила въ Ву-си, городкѣ, зависящемъ отъ округа Чангъ-чу, въ области Кіангъ - Нань. Эта семья состояла изъ трехъ братьевъ: старшій назывался Лю-ю (или *яшма*); второй Лю-пао (или *драгоценный*); третій Лю-чинъ (или *железница*). Последний еще не созрѣлъ для женитьбы, а двое другихъ были женаты. Жена первого называлась Вангъ, жена второго Янгъ. У обоихъ были всѣ прелести, украшающія женщинъ.

Лю-пао спрассно любилъ только игру и вино; никакой склонности къ добру въ немъ не замѣчали; жена его была та-

(*) Переводъ изъ *Contes Chinois*, изданныхъ Абель-Ремюза, знатокомъ Китайскаго языка. (Парижъ. 3 Т. 1827 года.) Любопытство, возбуждаемое Китайскою Литтературою, обратилось у Французовъ, нѣкошорымъ образомъ, въ моду. Это новое доказательство жадности нашего вѣка къ свѣдѣніямъ и вмѣстѣ причина, побудившая насъ помѣстить произведение Китайской Литтературы, хотя, правду сказать, мы видимъ въ немъ только предметъ любопытства и хотимъ только показать читателямъ нашимъ, что нравится нынѣ Парижанамъ. *Пер.*

кая-же : совсѣмъ не заботилась о добродѣтеляхъ, и весьма оплывалась она отъ Вангъ своей невѣстки ; та была примѣръ скромности и порядка въ жизни. Такимъ образомъ, хотя эти двѣ женщины жили довольно согласно, но сердца ихъ были соединены слабо.

У Вангъ былъ сынъ по имени Ги-эль (сынъ наслажденія). Этому ребенку считали еще не болѣе шести лѣтъ, когда въ одинъ день, остановившись на улицѣ съ другими сосѣдскими дѣтьми, посмотрѣвши одно торжественное шествіе, онъ исчезъ въ полнѣ и вечеромъ не возвратился домой.

Такая потеря ужасно опечалила отца и мать : они вели въездъ прибить записочки ; не осталось ни одной улицы, гдѣ бы не поискали ; но всѣ разысканія ихъ были напрасны : они не могли услышать никакого извѣстія о своемъ миломъ сынѣ Лю-ю, отецъ его, былъ неуспѣшимъ. Въ такой тяжестной печали онъ вздумалъ удалиться изъ своего дома, гдѣ все безпрестанно приводило ему на память милого его Ги-эля. Онъ занялъ у одного изъ друзей своихъ деньги на производство небольшой торговли, въ той и другой сторонѣ вокругъ города, льстясь, что въ краткія и частыя поѣздки, онъ найдетъ наконецъ свое потерянное сокровище.

Будучи занятъ только своимъ сыномъ, онъ мало чувствовалъ удовольствія отъ

выгодъ, какія приносила ему торговля. Однакожь, онъ продолжалъ ее въ печеніе пяти годовъ, не слишкомъ удаляясь отъ своего дома; наконецъ, не находя своего сына, послѣ столькихъ лѣтъ, и починая его потерявшимся безвозвратно, къ тому-же видя, что жена его Вангъ не приноситъ ему другихъ дѣтей, вздумалъ онъ разсѣять свои печальныя мысли, и какъ онъ собралъ маленькій запасецъ, то и рѣшился повѣхать торговать въ другой области.

Дорогой, онъ присоединился къ одному богатому купцу, который, узнавъ его способности и ловкость въ торговлѣ, далъ ему выгодную долю. Желаніе разбогатѣть избавило его отъ безпокойствъ.

Только что приѣхали они, тотъ и другой, въ область Шань-си, какъ все удалось имъ по желанію: они скоро сбыли свои повары и получили порядочный барышъ. Платежи, замянувшіеся по причинѣ двухъ-лѣтней засухи и голода, посѣтившаго ту землю, сверхъ того продолжительная болѣзнь, постигнувшая Лю-ю, все это, удержало его въ сей области три года; поправивши свое здоровье и получивъ деньги, онъ повѣхалъ опшуда въ свою спору.

Во время пути онъ остановился подлѣ одного мѣста, называемаго Чинъ-ліу, отдохнувъ отъ усталости, и увидѣвъ поясъ изъ голубаго полотна, сдѣланный

наподобіе небольшого мѣшка, длиннаго и узкаго, какіе носятъ вокругъ шѣла, подъ плащемъ, и гдѣ бывають деньги. Поднявши мѣшокъ эпокъ, онъ почувствовалъ въ немъ что-то довольно тяжелое. Тогда-часъ отошелъ онъ въ сторону, открылъ мѣшокъ и нашелъ въ немъ около двухъ-сотъ таэльсовъ (*).

При видѣ сего сокровища онъ подумалъ: «Счастливая судьба моя даетъ мнѣ въ руки эти деньги; я могу удержать ихъ и употребить на свои надобности, не боясь ничего непріятнаго. Однакожь, шопъ, кто потерялъ ихъ, какъ скоро замѣнитъ свою потерю, то будетъ въ ужасномъ страхѣ и какъ можно скорѣе воротится опыскавъ ее. Не говорятъ развѣ, что наши пратцы, находя деньги, не смѣли почти допрогиваться до нихъ и бради ихъ только для того, чтобы возвратишь прежнему хозяину? Эта справедливость кажется мнѣ прекрасна, хочу подражать ей, тѣмъ болѣе, что я уже старъ и у меня нѣтъ наследниковъ. Чтобы и сдѣлалъ я изъ денегъ, которыя приходятъ ко мнѣ непрямыми путями!»

Въ ту же минуту, воротясь назадъ, онъ сѣлъ подлѣ того мѣста, гдѣ нашелъ деньги; и ждалъ тамъ весь день: не придетъ-ли кто за ними? Никто не показы-

(*) Таэльсъ есть унція серебра и стоитъ около $7\frac{1}{2}$ франк. Аб. Рсм.

вался, и на другой день онъ продолжалъ свой путь.

Послѣ пяти дней путешествія, прибывши около вечера въ Су-чу, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ было много другихъ купцовъ. Въ разговоръ рвѣ пала на выгоды торговли и одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: »Пять дней тому, какъ ѣхавши изъ Чинь - лиу, я потерялъ двѣспитальсору, хранившихся у меня въ нижнемъ поясѣ. Я снялъ этотъ поясъ и положилъ подлѣ себя, во время небольшого отдыха; но вдругъ увидѣлъ, что ѣдетъ Мандаринъ, со всѣмъ своимъ повозомъ. Боясь обиды, я удаляюсь съ дороги и забываю взять свои деньги. Уже при захожденіи солнца, скидая свои плащя, я замѣнилъ сдѣланную мною потерю. Я зналъ, что мѣсто, гдѣ я потерялъ свои деньги, посѣщается сполъ многими людьми, что напрасно замедлилъ-бы я свое путешествие нѣсколькими днями, воропившись опыскивать то, чего конечно не найду.“

Каждый жалѣлъ о немъ. Лю-ю тотчасъ спросилъ его объ имени и мѣстѣ жительства. »Вашъ слуга называется Чинь,“ отвѣчалъ купецъ, »и живетъ въ Янгъ - чу, гдѣ у него есть лавка и довольно хорошій амбаръ. Но смѣю-ли я, въ очередь свою, спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?“ Лю-ю назвалъ себя и сказалъ, что онъ житель города Ву-си. »Самая ближайшая дорога шуда,“ прибавилъ онъ, »ведетъ меня

въ Янгъ-чу; если вамъ угодно, я буду имѣть удовольствіе проводить васъ до вашего дома.“

Чинь, какъ слѣдовало, отвѣчалъ на эту учтивость. »Очень охотно,“ сказалъ онъ, »поѣдемъ вмѣстѣ; почишаю себя счастливымъ, что нашелъ такого пріятнаго сопутника!“ На слѣдующій день, очень рано упромъ, они поѣхали вмѣстѣ. Путешествіе не было продолжительнымъ и они скоро прибыли въ Янгъ-чу.

Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, Чинь пригласилъ своего дорожнаго товарища ласково къ себѣ въ домъ и велѣлъ подать небольшой завтракъ. Тогда Лю-ю обратился разговоръ на деньги, потерянные въ Чинь-лиу. »Какого цвѣта,“ сказалъ онъ, »былъ поясъ, въ который спрятали вы свои деньги, и какъ былъ онъ сдѣланъ?“ — Онъ былъ изъ голубаго полотна, отвѣчалъ Чинь. А чѣмъ онъ былъ очень примѣненъ, то, это буквой Чинь, означающей мое имя; она была вышита на одномъ концѣ бѣлымъ шелкомъ. —

Послѣ сихъ объясненій сомнѣнія не осталось никакого, и Лю-ю воскликнулъ съ веселымъ лицомъ: »Я потому спрашиваю васъ, что проѣзжалъ черезъ Чинь-лиу и нашелъ тамъ такой поясъ, какой вы описали.“ Въ то-же время онъ вынимаетъ его. »Смотрите,“ говоритъ онъ: »вашли это?“ — Онъ самой, говоритъ Чинь. Тутъ Лю-ю, держа еще поясъ въ своихъ

рукахъ, съ почтеніемъ передаетъ его настоящему хозяину.

Чинъ, исполненный признательности, сильно настоялъ, чтобы Лю-ю принялъ половину той суммы, которою дарить его; но убѣжденія были напрасны: Лю-ю не хотѣлъ ничего принять. «Сколько одождаете вы меня!» возразилъ Чинъ. «Гдѣ найдти подобную вѣрность и великодушіе!» — Онъ тотчасъ велѣлъ набрать богатый столъ, за коимъ оба съ величайшими изъвлеченіями дружбы приглашали другъ друга пить.

Чинъ сказалъ самъ себѣ: «Гдѣ найдти нынѣ человѣка столь честнаго, какъ Лю-ю? Такіе люди очень рѣдки. Но что? получивъ отъ него столь великое добро, не уже-ли не найду, чѣмъ ему доказать мою признательность? У меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ: пусть союзъ дѣтей соединитъ меня съ столь честнымъ человѣкомъ. Но есть-ли у него сынъ? Вотъ этого я не знаю. „Любезный другъ!“ сказалъ онъ Лю-ю, „сколько лѣтъ теперь вашему сыну?“

При этомъ вопросѣ слезы потекли изъ глазъ Лю-ю. — Увы! у меня былъ одинъ только сынъ и безконечно мнѣ драгоценный! опившася онъ. Семь лѣтъ тому, какъ это юное дитя, вышедши изъ дому, посмотрѣвъ торжественное шествіе, исчезло, такъ, что съ тѣхъ поръ я не могъ получить о немъ никакого извѣстія. Далъ

пополненія несчастія, жена моя не приноситъ мнѣ болѣе дѣтей. —

При этомъ повѣствованіи Чинъ на минуточку задумался, и потомъ сказалъ: «Братъ мой и благодѣтель! Какихъ лѣтъ было это милое дѣтя, когда вы потеряли его?» — Шести лѣтъ, отвѣчала Лю-ю. — «Какъ называли его? Какой онъ былъ изъ себя?» — Мы называли его Ги-эль, сказала Лю-ю. Онъ избѣжалъ всякой опасности: никакого слѣда ея не было на его лицѣ, цѣлующемъ и бѣломъ. —

Такія подробности принесли великую радость Чину, и онъ не могъ скрыть ея: радость явилась въ его глазахъ, во всей его осанкѣ. Онъ тотчасъ призвалъ одного изъ слугъ своихъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Слуга, сдѣлавъ знакъ, что немедленно исполнилъ приказанія своего господина, идетъ во внутренность дома.

Лю-ю, внимательно наблюдая связь вопросовъ и веселость, явившуюся на лицѣ его хозяина, преисполнимъ былъ различными подозрѣніями, какъ вдругъ увидѣлъ, что входитъ молодой слуга, возрастомъ лѣтъ тринадцати. Онъ одѣтъ былъ въ длинное плащье и въ балахонъ, простой, но опрятный. Его прекрасный станъ, его видъ, осанка, правильныя черты лица, прекрасныя черныя брови, подъ которыми видны были живые и пронизательные

глаза, прежде всего поразили сердце и глаза Лю-ю.

Когда эпомъ юноша увидѣлъ, что за споломъ сидитъ чужой человѣкъ, онъ обратился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ и учтивыми привѣтствіями; потомъ, приближившись къ Чину и скромно ставъ противъ него, сказалъ нѣжнымъ и пріятнымъ тономъ: «Отецъ мой! вы призвали Ги-эля. Что угодно вамъ приказать мнѣ?» — Я тотчасъ это объявлю тебѣ, возразилъ Чинъ; въ ожиданіи этого стой подлѣ меня!

Имя: Ги-эль, какъ называлъ себя юноша, возродило новыя подозрѣнія въ умѣ Лю-ю. Тайное впечатлѣніе объяло его сердце; удивительными дѣйствіями природы сердце въ минушу изобразило передъ нимъ образъ его сына, его станъ, лицо, видъ и всѣ пріемы. Онъ видитъ все это въ помѣ, котораго разсматриваетъ. Только одно названіе отца, данное имъ Чину, разспроиваетъ предположенія. Не прилично было спросить у Чина: точно-ли это сынъ его, что однакожь очень могло быть, попому что не невозможно двумъ дѣтямъ получить одинакое имя и походить другъ на друга.

Лю-ю такъ былъ занятъ сими размышленіями, что совсѣмъ не думалъ о томъ, какъ прекрасно его утѣшали. На лицѣ его можно было читать странное недоумѣніе, въ коемъ онъ находился. Какое-то очарованіе привлекало его къ этому

юношѣ: онъ безпрестанно глядѣлъ на него и не могъ никуда болѣе отвести глазъ своихъ. Ги-эль съ своей стороны, не смотря на робость и скромность своего возраста, неподвижно смотрѣлъ на Лю-ю и, казалось, сама природа открывала ему въ сію минуту, что это его отецъ.

Наконецъ Лю-ю не могъ долѣе удерживать волненія своего сердца и вдругъ прервалъ молчаніе, спросивъ у Чина: Точно ли это его сынъ? — Не отъ меня получилъ онъ жизнь, опѣчалъ Чинъ, хотя я почтиаю его какъ-бы собственнымъ моимъ сыномъ. Семь лѣтъ назадъ одинъ человекъ, проходя черезъ нашъ городъ, велъ за руку это дитя и случайно обратился ко мнѣ съ просьбою: помочь ему въ чрезвычайной его нуждѣ. Жена моя умерла, сказалъ онъ, и оставила мнѣ одно это дитя. Худое состояніе моихъ дѣлъ заставило меня на время оставить свою землю и удалиться въ Гоай-Инганъ, къ одному моему родственнику. Отъ него надѣюсь получить сумму денегъ для своего возстановленія; но мнѣ нечѣмъ продолжать путешествія до этого города. Будете ли сострадательны и дадите ли мнѣ впередъ при шаэльса? По возвращеніи моемъ я вѣрно отдамъ ихъ вамъ, а въ залогъ моего слова оставляю здѣсь то, что у меня есть драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ, то есть, моего единственнаго сына. Только что.

дойду я до Гоай-Ингана, какъ возвращусь
взявъ обратно это милое дитя.

Довѣренность незнакомца пронудила
меня; я далъ ему въ руки сумму, какую
онъ просилъ для себя. Оставляя меня, онъ
заплакалъ слезами, доказывая тѣмъ, что
разстается съ сыномъ въ чрезвычайной
горести. Удивило меня то, что при
этомъ разставаньи, дитя, казалось, со-
всѣмъ не было въ смущеніи; но видя, что
называвшій себя отцомъ его не возвра-
щается, я началъ подозрѣвать и хотѣлъ
объяснить свои подозрѣнія. Призвавъ ди-
тя, разными вопросами я узналъ отъ
него, что онъ родился въ городѣ Ву-си;
что однажды, смотря на торжественное
шествіе въ своей улицѣ, онъ удалился отъ
дома, былъ обманутъ и похищенъ незна-
комцомъ. Онъ сказалъ мнѣ также имена
своего отца и матери: имя отца его при-
надлежитъ вамъ. Я тотчасъ понялъ, что
это бѣдное дитя было похищено, и продано
мнѣ какимъ нибудь плутомъ, почувство-
вавъ къ нему состраданіе и онъ умѣлъ со-
вершенно привлечь къ себѣ мое сердце. Съ
тѣхъ поръ обходился я съ нимъ также,
какъ съ моими собственными дѣтьми, и
посылая его въ школу вмѣстѣ съ моимъ
сыномъ учиться. Много разъ намѣревал-
ся я нарочно ѣхать въ Ву-си, дабы осведо-
миться о его родишеляхъ; но всегда было
у меня какое нибудь дѣло, заставлявшее
откладывать это путешествіе, отъ ко-

порого однакожь я не навсегда отказывался. Къ счастью, за нѣсколько минутъ, вы случайно сказали мнѣ о вашемъ сынѣ. Нѣкоторые слова, случаемъ брошенныя, пробудили мои мысли. По удивительному отношенію того, что я зналъ, съ тѣмъ, что вы сказали мнѣ, я велѣлъ придти Ги-элю, желая видѣть, узнаете-ли вы его.

При сихъ словахъ Ги-эль началъ плакать отъ радости, а его слезы скоро заставили Лю-ю пролить обильныя слезы. „Его можно узнатьъ,“ сказалъ Лю-ю, „по странному знаку: немного выше локтя у него есть двойной знакъ чернаго цвѣта.“ Ги-эль тотчасъ поднимаетъ рукавъ своего плаща и показываетъ два знака, выше локтя, о которыхъ была рѣчь. Увидя это, Лю-ю бросился на шею къ юношѣ, обнялъ его и поднялъ на своихъ рукахъ. „Мой сынъ!“ вскричалъ онъ, „мой милый сынъ! Какое счастье для моего отца снова найдти тебя послѣ столь долгого отсутствія!“

Изловишь иглу въ глубинѣ воды: чудо;
 Но потеряшь сокровище, бывшее въ рукахъ, и снова найдши его послѣ: это другое чудо, гораздо большее!
 О, прекрасенъ шопъ пиръ, гдѣ происходишь сладостное
 узнаніе!
 Оба они еще боялся, что-бы это не было только сонъ.

Можно-ли постигнуть, какимъ восторгамъ радости предались въ сіи сладостныя минуты отецъ и сынъ! Послѣ тысячи

нѣжныхъ обниманій, Лю-ю вырвался изъ объятій своего сына и подошелъ съ привѣспвіями къ Чину. „Сколько обязанъ я вамъ,“ сказалъ онъ, „за то, что вы приняли къ себѣ и воспитали съ такою благоспѣю эту драгоцѣнную часть самого меня! Былъ-ли-бы я когда нибудь съ нимъ вмѣспѣ, если-бы не вы!“

— Любезный мой благодаритель, — отвѣчалъ Чинъ, вспавая, — вы поступили со мною такъ великодушно, добродѣтельно, возвративъ мнѣ двѣспи таэльсовъ, что это пронуло Небо; оно привело васъ ко мнѣ, и вы обрѣли то, что потеряли и что напрасно искали въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Теперь я знаю, что это прекрасное дѣспя принадлежитъ вамъ, и жалѣю, что не оказывалъ ему еще болѣе дружбы. — »Поклонись, мой сынъ,« сказалъ Лю-ю, »и благодари твоего несказаннаго благодарителя.«

Положеніе тѣла, какое принималъ Чинъ, показывало, что онъ хотѣлъ опвѣчать поклонами на поклоны ему дѣлаемые; но Лю-ю, смущенный этимъ излишествомъ учтивости, тотчасъ приблизился и не допустилъ его наклониться. Кончивъ сіи обряды, снова сѣли за столъ и Чинъ посадилъ Ги-эля на сѣдалище подле Лю-ю, отца его.

Тогда Чинъ, снова обратившись къ Лю-ю, сказалъ: »Братъ мой! у меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ; я намѣренъ от-

дашь ее за своего сына и этимъ залогомъ шѣснѣ соединишься съ побою.“ Предложеніе сдѣлано было съ такимъ искреннимъ видомъ, что Лю - ю не почелъ нужнымъ употреблять обыкновенныхъ извиненій, требуемыхъ учтивостію; онъ пренебрегъ ими и тотчасъ изъяснилъ свое согласіе.

Было уже поздно и они разлучились. Ги-эль легъ въ той-же комнатѣ, гдѣ и отецъ его. Можно судить, сколько утѣшительнаго и нѣжнаго говорили они другъ другу во время ночи. На другой день Лю-ю хотѣлъ проститься съ своимъ хозяиномъ, но не могъ воспротивиться привѣпливости, съ какою его удерживали. Чинъ велѣлъ приготовить другой пиръ, гдѣ не пощадили ничего, для лучшаго угощенія будущаго свекра дочери и новаго зятя его, также и для утѣшенія въ ихъ отъѣздѣ. Пили хорошо и предавались радости.

При окончаніи стола Чинъ вынимаетъ свертокъ съ двадцатью шаэльсами и смотря на Лю - ю, говоритъ: «Любезный мой зять конечно претерпѣлъ безъ моего вѣдома и намѣренія нѣкогорыя непріятности въ то время, какъ жилъ у меня. Вотъ, небольшой подарокъ отъ меня, въ ожиданіи того времени, когда могу существенно изъяснить ему мою нѣжную привязанность; не желаю, что-бы онъ отказалъ мнѣ.“

— Какъ! возразилъ Лю-ю, когда я заключаю споль почешный для меня союзъ, и по обычаю долженъ-бы самъ дать брачные дары за моего сына, увольняя себя отъ нихъ потому только, что я въ дорогъ, вы осыпаете меня вашими подарками? Это уже слишкомъ! это приспыхаетъ меня.“

«Э,» сказалъ Чинъ, «кто думаетъ подносить вамъ такую бездѣлицу? Не свекру моей дочери, но зятю моему хочу отдать этотъ небольшой подарокъ. Однимъ словомъ: если вы станете упорствовать въ своемъ отказѣ, я почту это вѣрнымъ знакомъ, что вамъ непріятенъ союзъ со мною.»

Лю-ю увидѣлъ, что непременно надобно согласиться и что упорство будетъ бесполезно: онъ принялъ подарокъ, велѣлъ своему сыну встать изъ за стола и пойдти поблагодарить Чина, отдавъ ему поклонъ. — «Что даю вамъ теперь,» сказалъ Чинъ поднимая Ги-эля, «это бездѣлица, не спюющая благодаренія.» Послѣ сего Ги-эль пошелъ во внутренніе покои, благодарить свою пещу. Весь день прошелъ въ пированіи и увеселеніяхъ; одна ночь разлучила бесѣдующихъ.

Лю-ю совершенно предался размышленіямъ, родившимся у него отъ сихъ происшествій. «Надобно признаться,» вскричалъ онъ, «что обратная отдача найденныхъ мною денегъ есть дѣло, очень угодное Небу, потому

что чрезъ нее нашелъ я моего сына и заключилъ столь почетный союзъ. Это счастье къ счастью ; это золотые цвѣты на прекраснѣйшей шелковой ткани. Чѣмъ я изъявлю признательность за такія милости? Вотъ двадцать таэльсовъ, подаренные родственникомъ моимъ Чиномъ : что могу сдѣлать лучшее, какъ употребить ихъ на поддержаніе жизни нѣсколькихъ добродѣтельныхъ бонзовъ? Это значитъ бросить ихъ въ землю благословенную.“

На другой день, хорошо позавтракавъ, отецъ и сынъ готовятъ свою поклажу и прощаются съ своимъ хозяиномъ. Они идутъ къ пристани и нанимаютъ тамъ барку. Едва они отъѣхали полмили, какъ приблизились къ одному мѣсту рѣки, откуда происходилъ ужасный шумъ, какъ будто возмущенная вода кипѣла. Это была барка съ путешественниками; она тонула. Бѣдные несчастливцы кричали: *Помогите ! спасите насъ !* Жители ближняго берега, встревоженные симъ крушеніемъ, кричали съ своей стороны многимъ близъ стоявшимъ лодочникамъ и просили спѣшить скорѣе на помощь несчастнымъ, оспаривавшимъ у волнъ свою жизнь; но лодочники, грубые и корыстолюбивые люди, требовали, чтобы ихъ увѣрили напередъ въ хорошей наградѣ.

Видя этотъ споръ, Лю-ю сказалъ самъ себѣ: «Спасать жизнь человѣку есть дѣло не менѣе святое и не менѣе доброе, какъ

украшеніе храмовъ и содержаніе бонзовъ. Посвятимъ двадцать таэльсовъ на это доброе дѣло; поможемъ бѣднымъ утопающимъ людямъ! Тотчасъ онъ объявляетъ, что даетъ двадцать таэльсовъ тѣмъ, кто приметъ въ свою лодку сихъ полуутопшихъ людей.

При этомъ предложеніи всѣ лодки въ минуту покрыли рѣку; даже нѣкоторые изъ зрителей, бывшіе на берегу и умѣвшіе плавать, поспѣшно бросающся въ воду, и безъ исключенія всѣ утопавшіе тотчасъ были спасены. Лю-ю раздалъ послѣ этого обѣщанное лодочникамъ награжденіе.

Бѣдные люди, извлеченные изъ середины волнъ, подошли благодарить своего избавителя. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на Лю-ю, вдругъ воскликнулъ: «Какъ? Это ты, мой старшій братъ! Какимъ благополучіемъ встрѣчаю тебя здѣсь?» Лю-ю, обратившись къ незнакомцу, узналъ своего претѣяго брата Лю-чина. — Какое чудо! какое счастье! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки. Небо привело меня сюда въ назначенный часъ спасти жизнь моему брату. — Тотчасъ онъ протягиваетъ къ нему руку, приводитъ его на свою барку, помогаетъ ему скинуть измокшее платье его и даетъ другую одежду.

Пришедши въ себя, Лю-чинъ кланяется своему старшему брату, а тотъ, послѣ взаимнаго привѣтствія, приказываетъ Гиэлю опадать почтеніе дядѣ; потомъ раз-

сказываетъ ему исторію пояса, возвращеннаго первому хозяину, и то, какимъ образомъ онъ нашелъ своего сына. Лю-чинъ не могъ придти въ себя отъ изумленія при этомъ разсказѣ. — Располкуй мнѣ наконецъ, сказалъ ему Лю-ю, что привело тебя въ эту страну?

«Невозможно нѣсколькими словами исчерпать подробностей, которыхъ желаешь ты», отвѣчалъ ему Лю-чинъ. «Три года уже, какъ ты оставилъ свой домъ, и къ намъ пришло печальное извѣстіе, что ты умеръ отъ болѣзни въ области Шанъ-си. Второй братъ мой освѣдомлялся и увѣрялъ, что извѣстіе справедливо. Это было ударомъ грома для моей невѣстки: она была неутѣшима и тотчасъ облеклась въ глубокой трауръ. Что касается до меня, я ня сколько не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію.

«Черезъ немного дней, мой второй братъ спалъ напоминать моей невѣсткѣ, что ей надобно думать о новомъ замужствѣ. Она всегда далеко отъ себя отвергала это предложеніе; наконецъ заставила меня съѣздить въ Шанъ-си, для поисковъ и полученія извѣстій о тебѣ. Когда я совсѣмъ не предполагалъ, когда готовъ былъ погибнуть въ волнахъ, встрѣчаю моего возлюбленнаго брата, спасающаго меня отъ смерти. Неожиданное счастіе это не есть-ли благодѣяніе Неба? Но, братъ! повѣрь мнѣ, что не лѣзя терять времени:

спѣши возвратиться домой и успокойшь мою невѣстку. Малѣйшее замедленіе можетъ быть причиною невозвратныхъ несчастій.»

Этотъ разсказъ ужаснулъ Лю-ю: онъ велѣлъ призвать хозяина барки, и хотя было очень поздно, приказалъ поднять парусы и плыть во всю ночь.

Спѣшенное сердце летитъ, какъ стрѣла и негодуешь на медленность;

Лодка бѣжитъ какъ челнокъ ткача, и бѣтъ ей все еще слѣдкомъ шихъ.

Услышавъ печальную вѣсть о смерти своего мужа, Вангъ сначала сомнѣвалась въ истинѣ этого сказанія; но наконецъ, когда Лю-пао успѣлъ увѣрить ее въ томъ, надѣла траурное платье.

У Лю-пао было дурное сердце и онъ способенъ былъ къ самымъ злымъ дѣламъ. «Я не сомнѣваюсь: бракъ мой точно умеръ», сказалъ онъ. «Невѣстка моя молода и прекрасна; къ тому-же, теперь нѣкому поддерживать ее. Мнѣ надобно принудить ее снова выйти за-мужъ, а это доставитъ мнѣ деньги.»

Тотчасъ рассказываетъ онъ о своемъ намѣреніи женѣ своей Янгъ, и заставляешь ее говорить объ этомъ невѣсткѣ. Но Вангъ съ ужасомъ отвергаетъ такое предложеніе; Лю-чинъ, своими безпрестанными упреками, представляетъ также новыя препятствія этому браку. Такъ, всѣ упо-

нребленныя хитрости оспавались безъ успѣха. «Извѣстіе, пересказанное тысячью чловѣкъ», говорила Вангъ сама себѣ, «не стоить показанія одного личнаго свидѣтеля. Хотя говорятъ, что мужъ мой умеръ за тысячу лю отсюда; но, кто знаетъ? можетъ быть этогъ слухъ, пришедшій столь издалека, не имѣетъ никакого основанія? Попрошу моего деверя Лю-чина самого повѣхать въ область Шанъ-си и забрать на мѣстѣ достовѣрныя свѣдѣнія. Если въ самомъ дѣлѣ я столь несчастлива, что потеряла своего мужа, то, по крайней мѣрѣ, деверь принесетъ мнѣ драгоценныя оспашки его.

Она просила Лю-чина вѣхать и онъ отправился. По отъѣздѣ его, Лю-пао спалъ безпокойнѣе въ своихъ преслѣдованіяхъ. Сверхъ того, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, приведенный въ отчаяніе несчастливою игрою, онъ самъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ достать денегъ. Въ такомъ замѣшательствѣ, онъ встрѣтился съ купцомъ изъ Кіангъ-си, который лишился жены и искалъ себѣ другую. Лю-пао воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ ему свою невѣстку. Купецъ соглашается на его предложеніе, впрочемъ, принявъ предосторожность, то есть, осведомившись, тихонько, молодали и хорошали предлагаемая особа. Какъ скоро онъ увѣрился въ это, то не теряя времени, вручилъ тридцать шаэльсовъ для заключенія дѣла.

Получивъ эту сумму, Лю-пао сказалъ купцу: «Я долженъ васъ предупредить, что невѣстка моя горда и надменна: она окажется много запрудненій, когда придется ей оставить домъ, и очень трудно будетъ вамъ заставить ее рѣшиться на это. И потому, вопль что должны вы сдѣлать: сего дня, при наступленіи ночи, будьте съ портпешезомъ, идите тихонько и спаньте подлѣ нашихъ воротъ. Если покажется женщина въ праурномъ головномъ уборѣ, то знайте, что это моя невѣстка; не говорите ей ни слова и не слушайте того, что она вздумаетъ вамъ сказать; но потчасъ схватите ее, бросьте въ портпешезъ, опнесите на вашу барку и плывите.» Этомъ способъ очень понравился купцу, и исполненіе его показалось ему легко.

Между тѣмъ Лю-пао возвратился домой, и не желая подать какого-либо подозрѣнія невѣсткѣ о своемъ намѣреніи, умѣлъ хорошо притвориться въ ея присутствіи. Какъ скоро Вангъ вышла, онъ вѣрилъ женѣ то, что имъ задумано, и наименовавъ свою невѣстку, съ презрительнымъ движеніемъ сказалъ: «Надобно, чтобы этотъ товаръ сего дня ночью вышелъ изъ нашего дома; но я не хочу быть свидѣтелемъ ея слезъ и воздыханій и выйду напередъ; какъ-же скоро наступитъ ночь, то одинъ купецъ изъ Кіангъ-си придетъ похитить ее и унесетъ въ портпешезъ на свою барку.»

Едва Лю-пао окончилъ сіи слова , какъ вдругъ услышалъ шумъ , производимый кѣмъ-то , шедшимъ подѣ окошками. Онъ поспѣшилъ выйти , и скоростѣ , съ какою онъ удалился , не позволила ему прибавить подробности о траурномъ головномъ уборѣ. Безъ сомнѣнія , по особенному провидѣнію Неба это обстоятельство было имъ упущено.

Вангъ легко замѣтила , что Лю-пао вдругъ принужденъ былъ прервать разговоръ , услышавъ шорохъ ея шаговъ подѣ окошкомъ. Выраженіе голоса его ясно показывало , что ему надобно было сказать еще что-то ; но она уже довольно слышала , попому , что когда Лю-пао входилъ въ домъ , она по виду его узнала , что ему хотѣлось сказать женѣ своей нѣчто въ тайнѣ и сдѣлала видъ , будто вышла , но тихонько , приложивъ ухо къ окну , ясно разслушала сіи слова : *«Ее похитятъ , ее бросятъ въ портшезъ.»*

Послѣ сихъ словъ увѣрилась она въ своихъ подозрѣніяхъ , и вошедши въ комнату , приблизилась къ Янгъ. Сначала она объявляетъ ей о своихъ безпокойствахъ. »Сестрица !« сказала она , »ты видишь несчастную вдову , соединенную съ тобою самыми тѣсными узами дружбы , всегда бывшей искреннею. Заклинаю тебя нашею старинною дружбою , объяви мнѣ откровенно : не упорствуетъ-ли мой деверь въ прежнемъ своемъ намѣреніи принудить

меня къ замужеству, споль для меня пия-
сному ?»

При такой рѣчи Янгъ сначала пришла въ смущеніе, покраснѣла; потомъ, съ видомъ болѣе увѣреннымъ, сказала ей: »Что по-
то вздумала ты, сестрица, и что за
мысли у тебя въ головѣ? Если-бы дѣло
шло о второмъ замужествѣ твоемъ, не
уже-ли ты думаешь, что опъ этого бы-
ли-бы въ большомъ замѣшательствѣ? Къ
чему бросаться въ воду, прежде нежели
барка готова разрушиться.»

Какъ скоро Вангъ услышала эту по-
словицу о баркѣ, то еще лучше поняла
смыслъ тайнаго разговора своего деверя.
Топчасъ начинаетъ она жаловаться, взды-
хаетъ, и предавшись всей своей горести,
запирается въ своей комнатѣ, плачетъ
шамъ, спрадаетъ, рыдаетъ. »Какъ я не-
счастлива!« восклицаетъ она, »я не знаю,
что сдѣлалось съ моимъ мужемъ! Мой де-
верь и другъ Лю-чинъ, на котораго я мо-
гла положиться, въ дорогѣ. Отецъ мой,
мать, родственники, далеко опъ здѣшной
земли. Если это дѣло пойдетъ скоро, то
могу-ли я дать знать имъ о немъ? Опъ
сосѣдей нѣчего и ожидать, потому, что
Лю-пао навелъ собою ужасъ на весь около-
покъ и никто не осмѣлится поддержать
меня или защитить. О я несчастная! Я не
избѣгну опъ съшей, и если не попадусь
въ нихъ сего дня, то это сдѣлается зав-
тра, или очень скоро какъ нибудь. Окон-

чимъ эту слишкомъ шягостную жизнь, уйремъ одинъ разъ: лучше умереть, нежели спрадаться тысячею смертей.

Такъ рѣшилась она, но исполненіе этой рѣшимости опложила до вечера. Какъ скоро настала ночь, она удалилась въ свою комнату и заперлась тамъ; послѣ этого, взяла веревку; одинъ конецъ ея привязала къ переводинѣ, а изъ другаго сдѣлала петлю; придвинула скамью, взошла на нее и вскричала: «Всемогущее Небо! опомнись за меня!» Послѣ сихъ словъ и нѣсколькихъ вздоховъ, вылетѣвшихъ изъ груди ея, она сбрасываетъ свой траурный головной уборъ, влагаетъ голову и шею въ петлю, наконецъ оппалкиваетъ ногою скамью и виситъ на воздухѣ.

Кажется, все кончилось для этой несчастной женщины. Случилось однакожь, что веревка, на которой она повѣсилась, вдругъ оборвалась. Янгъ, полумертвая упала на землю; ея паденіе произвело ужасный стукъ.

На стукъ прибѣжала Янгъ, но нашедши дверь накрѣпко задвинутою, подумала, что это не можетъ быть хитрость полупомѣшанной женщины. Тотчасъ схвативъ ломъ, она вышибла дверь. Ночь была очень темная; вошедши въ комнату, Янгъ запуталась ногами въ плащъ своей невѣстки, и упала навзничь. Опъ этого головной уборъ ея слетѣлъ съ нее и она пришла въ такой ужасъ, что нѣсколько

минушъ находилась въ безпамятствѣ. Пришедши въ себя, она шопчасъ встала, пошла сыскашъ лампу и возвратившись въ комнату, нашла Вангъ, лежащую на землѣ безъ движенія и почти безъ дыханія.

Но вдругъ услышала она, что кто-то стучится шихонько у воротъ. Не сомнѣваясь, что это купецъ изъ Кіангъ-си, пришедшій за купленною имъ женою, она бѣжипъ скорѣ приняшъ его и ввести въ комнату, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ случившагося. Но подумавши, что на ней не было головного убора и что неприлично являшъся простоволосою, она поспѣшно схватила валявшійся у ногъ ея траурный головной уборъ Вангъ и побѣжала узнать, что такое тамъ было.

Она узнала купца изъ Кіангъ-си, который, исполняя приказанія Лю-пао, явился похитивъ обѣщанную ему женщину. У него былъ готовъ брачный поршшѣзъ, украшенный шелковыми тканями, лентами, цвѣтами и множествомъ прекрасныхъ фонарей; его окружали слуги съ зажженными факелами и толпа музыкантовъ съ дудками и свирѣлями. Весь эшотъ повѣздъ дожидался на улицѣ, не играя на инструментахъ и не дѣлая никакого шума. Купецъ спукнулъ легонько въ ворота, и нашедши ихъ отпертыми, вошелъ въ домъ съ нѣсколькими людьми, освѣщавшими ему дорогу.

Какъ скоро Янгъ показалась, купецъ, увидя на ней траурный головной уборъ, бывшій условленнымъ знакомъ, устремился на нее, какъ жадный ястребъ на маленькую птичку. Прибѣжали его люди, схватили Янгъ и заперли ее въ портшезъ, уже совсѣмъ приготовленный. Напрасно кричала она: *ошибаются, не меня искали!* Тотчасъ раздался звукъ инструментовъ и заглушилъ ея голосъ. Между тѣмъ носильщики лѣзли, а не шли, желая поскорѣе принесть ее къ баркѣ.

Толпа музыкантовъ входитъ на барку чужестранца;
Ошибка въ траурномъ головномъ уборѣ имѣешь слѣдствиемъ
бракъ.

Когда супруга плачетъ и рыдаетъ, выходя за другого мужа,
Въ то время и судьбу и насмѣхающаго мужа своего прокли-
наетъ она.

Между тѣмъ, Вангъ, облегченная спараніемъ своей невѣстки, опомнилась и снова спала различать предметы. Сумапоха, которая слышалась ей у воротъ дома, возобновила ея безпокойство и привела ее въ смертельное смущеніе; но замѣтивъ, что звукъ музыки и смѣсь голосовъ и инструментовъ ежеминутно удалялись, она разувѣрилась, и по прошествіи почти полу-четверти часа, осмѣлилась даже пойдти посмотрѣть: въ чемъ заключалось дѣло?

Тщешно кликнувши два или три раза свою невѣстку, она поняла, что купецъ обманулъ и увезъ не ту, кого искалъ. Но

спрашась какой нибудь новой неприятности, если Лю-пао узнаетъ объ этой ошибкѣ, заперлась она въ своей комнатѣ и подобрала съ полу шпильки, серьги и головной уборъ. Послѣ этого хотѣла она отдохнуть, но не могла сомкнуть глазъ всю ночь.

На разсвѣтъ встаетъ, умывается, и въ то время, когда ищетъ своего траурнаго головного убора, вдругъ слышитъ она шумъ у воротъ дома. Тамъ сильно спучается и кричатъ: *отворите!* Это былъ почто Лю-пао: она узнала его по голосу. Тотчасъ рѣшившись и давши ему волю спучать, она не отвѣчала ничего. Лю-пао заклиналъ, шумѣлъ, кричалъ до того, что охрипъ. Наконецъ Вангъ подошла къ воротамъ и не отвораля ихъ сказала: «Кто тамъ спучится и шумитъ такъ ужасно?» Лю-пао совершенно узналъ голосъ своей невѣстки и спалъ кричатъ еще сильнѣе; но видя, что она не хочетъ отпереть ему воротъ, онъ рѣшился на такое средство, которое удалось ему. «Сестра (сказалъ онъ)! Добрая и счастливая новость: младшій братъ мой Лю-чинъ возвратился, а старшій находится въ полномъ здоровьи; отвори скорѣе.»

При словахъ, что Лю-чинъ возвратился, Вангъ побѣжала надѣтъ головной уборъ, оставленный ей невѣсткою, и послѣ этого тотчасъ отворила ворота; но ищечно глаза ея ищутъ милаго Лю-чина: она видитъ одного Лю-пао, который прежде

всего вошелъ въ свою комнату; но не видя тамъ жены, и сверхъ того видя черный головной уборъ на своей невѣсткѣ, снова впалъ въ спрашныя подозрѣнія. Наконецъ онъ воскликнулъ: „А гдѣ же моя невѣстка?“ — Ты долженъ это знать лучше меня, отвѣчала Вангъ, потому что ты самъ сплелъ эту прекрасную сѣть. — „Но скажи мнѣ,“ возразилъ Лю-пао: „почему ты теперь уже въ черномъ головномъ уборѣ? Развѣ ты сняла трауръ?“ Вангъ рассказала ему все, что безъ него случилось.

Едва окончила она слова свои, какъ Лю-пао жестоко ударяетъ себя въ грудь и мечется, какъ опечаленный. Но оправившись мало помалу, онъ говоритъ самъ себѣ: „У меня еще осталось средство въ этомъ несчастіи. Продамъ опять невѣстку и на вырученные за нее деньги куплю себѣ другую жену; никто не узнаетъ моего несчастія, никто не узнаетъ, что я продалъ мою собственную жену!“

Онъ игралъ всю прошедшую ночь и проигралъ тридцать цзеэльсовъ, полученные отъ купца изъ Кіангъ-си, который былъ уже далеко съ новою своею супругою.

Лю-пао готовъ былъ выйти изъ дому, для того, чтобы устроить это дѣло, когда увидѣлъ, что къ воротамъ подъѣхали пять или шесть человекъ и спѣшили войти въ домъ. Это былъ старшій братъ его Лю-ю, младшій Лю-чинъ, племянникъ его Ги-эль и двое слугъ съ поклажею. Уви-

для ихъ, Лю-паю пришелъ въ ужасъ, и не имѣя силъ выдержать ихъ присушествія, вышелъ изъ дому по задней двери и исчезъ, какъ молнія.

Вангъ, въ восторгѣ радости, вышла встрѣтить своего милаго мужа. Но какъ увеличилась ея радость при видѣ своего сына, котораго едва узнала она: такъ онъ выросъ и спалъ хорошъ. „Какимъ счастливымъ,« вскричала она, »привели вы этого милаго сына? Я почитала его потеряннымъ!“

Лю-ю подробно разсказалъ свои приключенія, а жена его Вангъ очень продолжительно пересказала, въ свою очередь, всѣ обиды опъ Лю-пао и гибель, къ какой онъ приводилъ ее.

Лю-ю опдалъ справедливую хвалу върности своей жены. »Если-бы« вскричалъ онъ, »по слѣпой спрашки къ богатству я удержалъ двѣсти шаэльсовъ, случайно найденные мною, какъ могъ-бы я найти нашего милаго сына? Если-бы скупость помѣшала мнѣ употребить двадцать шаэльсовъ на спасеніе утопавшихъ, мой милый братъ погибъ-бы въ волнахъ, и я никогда бы не увидѣлъ его; если-бы, по неожиданному спеченію обстоятельствъ, я не встрѣтилъ этого любезнаго брата, то могъ-ли бы во время узнать о смятеніи и безпорядкахъ, какіе происходили въ моемъ домѣ? Безъ этого, милая жена моя, мы никогда-бы не увидѣлись! Все это

есть дѣйствіе особеннаго провидѣнія Неба, управлявшаго сими различными происшествіями. Что касается до моего друга брата, брата безчувственнаго, продавшаго собственную жену свою, не зная того, онъ справедливо привлекъ на себя несчастье, его обременяющее: всесильное Небо награждаетъ людей по достоинству; да не думаютъ злые избѣгнуть ошъ его правосудія!“

Научимся изъ сего, какъ выгодно быть добродѣтельнымъ. Опъ добродѣтели съ каждымъ днемъ болѣе процвѣтаетъ домъ.

Въ послѣдствіи времени Ги-эль поѣхалъ за своею супругой, дочерью Чина. Заключенный ими бракъ былъ очень счастливъ. У нихъ было много дѣтей; они видѣли у себя толпу внуковъ, изъ коихъ многіе возвысились на пупи знаній и достигли выгодныхъ должностей.

Такъ прославилось это семейство.

Должный возвратъ способствуетъ найти потеряннаго сына;
Продавая невестку, братъ теряетъ свою собственную жену.
Пупи Неба въ дѣлахъ міра истинно удивительны:
Оно умѣетъ различать добрыхъ ошъ злыхъ: его не обмануть!